

научно-практический журнал
издается с января 1994
индекс 750282 (для РБ и СНГ)

ФИНАНСЫ

УЧЕТ
АУДИТ

№ 9 (152) СЕНТЯБРЬ 2006

УЧРЕДИТЕЛИ

Министерство финансов
Республики Беларусь

Белорусский
государственный
экономический
университет

Белорусский
государственный
университет

Белорусское
республиканское
унитарное страховое
предприятие
«Белгосстрах»

Главный редактор
Олег ВЕНГЕРЕНКО

Адрес:

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ФИНАНСЫ, УЧЕТ, АУДИТ»,
ул. Кропоткина, 44 (оф. 901, 907),
220002, г. Минск, Беларусь.
Тел: (017) 234-21-45, 234-20-45.

Адрес в Интернете:
<http://ncpi.gov.by/minfin/>

Электронная почта:
fua@tut.by

Свидетельство о регистрации №562.

Лицензия на распространение
правовой информации № 000115
от 27.12.02 г.

© Финансы, учет, аудит. 2006.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н.П. КОРБУТ	министр финансов РБ
В.Е. ВАНКЕВИЧ	начальник управления методологии бухучета и отчетности Минфина РБ
М.М. КОВАЛЕВ	декан экономического факультета БГУ, профессор
А.М. КУРЛЫПО	заместитель министра финансов РБ, кандидат экономических наук
Г.Е. КОБРИНСКИЙ	доктор экономических наук, профессор
П.Г. НИКИТЕНКО	директор Института экономики, академик НАН Беларуси, шеф-редактор, научный консультант журнала
Д.А. ПАНКОВ	доктор экономических наук, профессор
П.Я. ПАПКОВСКАЯ	доктор экономических наук, профессор
А.И. СВЕРЖ	первый заместитель министра финансов РБ, кандидат экономических наук
Т.В. СОРОКИНА	доктор экономических наук, профессор
А.Н. СУШКЕВИЧ	председатель Белорусской ассоциации бухгалтеров, кандидат экономических наук
В.И. ШУСТ	генеральный директор БРУСП «Белгосстрах»

РЕДАКЦИЯ

Светлана ТЕРЕХОВИЧ	заместитель главного редактора
Владимир БАЦКАЛЕВИЧ	редактор отдела
Олег АНАНИЧ	редактор отдела
Светлана ПОТАПОВИЧ	корректор
Павел ИВАНОВ	компьютерная верстка, дизайн
Клара ГРИШАЕВА	компьютерный набор

Подписано в печать 7/09/2006 г. Формат 60x90 1/8, 11,2, уч-изд л. Печать офсетная. Тираж 1920 экз. Заказ №1695.
Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика в типографии РПТ «Минсктиппроект» 220123, г. Минск, ул. Веры Хоружей, 13/61.
Материалы журнала публикуются на русском и белорусском языках в зависимости от языка авторского оригинала.
Перепечатка материалов без согласия редакции запрещена.
Материалы со знаком носят рекламный характер.

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И РОЛЬ МОНЕТАРНЫХ ФАКТОРОВ В ЕЕ ФОРМИРОВАНИИ

Валерий БАЙНЕВ,
доктор экономических наук,
профессор БГУ

Ольга СЕДЛУХО,
аспирант БГУ

Сегодня стало вполне очевидным, что в условиях беспрецедентного обострения международной конкуренции за рынки сбыта и ограниченные, быстро истощающиеся природные ресурсы имеют шансы сохранить в XXI веке свой экономический суверенитет только те державы, которые форсированными темпами накапливают передовой, основанный на использовании последних достижений науки и техники (на базисных инновациях) промышленный капитал. Приверженность данному принципу развития наглядно демонстрируют так называемые развитые страны Запада (ОЭСР и, прежде всего, «Большая семерка»), сконцентрировавшие под своим контролем до 90% мирового научного потенциала и контролирующие не менее 80% глобального рынка высоких технологий объемом в 2,5–3 трлн. USD. В частности, высокотехнологичная продукция в товарном экспорте США составляет более 32%, Великобритании – 31%, Японии – 26%, Франции – 23%. Прибыль, получаемая технологически развитыми странами от реализации наукоемкой продукции, колоссальна: ежегодный экспорт наукоемких товаров и услуг приносит США более 700 млрд. USD, Германии – 530 млрд., Японии – 400 млрд. USD.

Прогнозы таковы – к 2015–2020 гг. объем продаж продукции высоких технологий возрастет до 4 трлн. USD, и именно за этот наиболее перспектив-

Непрекращающаяся риторика о жизненно важной необходимости перехода постсоветских стран к инновационной модели развития без преувеличения является ровесницей их суверенитета. И действительно, в качестве главного недостатка директивно-плановой экономики идеологи рыночно-капиталистических реформ изначально обозначали низкую инновационную восприимчивость экономических систем всех уровней, находящихся в условиях командно-административного диктата. По их заверениям, отказ от государственного регулирования экономики, ее либерализация и перевод на рыночные рельсы должны были подстегнуть инновационную активность субъектов хозяйствования и тем самым едва ли не за 500 дней переместить и без того вторую в мире экономику СССР на недостижимые даже для США высоты. Вместо этого сегодня переходящие к рынку страны СНГ дружно демонстрируют деградацию научно-технологического и промышленного потенциала, неумолимо превращаясь в сырьевую провинцию Запада. Имеются все основания полагать, что одной из наиболее важных причин, трансформирующих теорию и методологию инновационной экономики в обыкновенную риторику, является искусственно поддерживаемое отклонение от оптимума параметров монетарной сферы всех без исключения стран СНГ.

ный и быстро растущий сегмент мирового рынка идет наиболее жесткая конкуренция. Наряду с технологически развитыми странами в указанную борьбу активно включилось и несколько так называемых новых индустриальных стран – Китай, Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Индия. В частности, социалистический Китай за последнее десятилетие прошлого века смог увеличить производство наукоемкой продукции в 27 раз, причем на фоне общего роста ВВП ее доля в нем возросла с 8,1 до 35,4%. Ежегодно нарастающая экспорт высокотехнологичной продукции на 15–20%, эта страна смогла увеличить его объем со 192 млн. USD в 1992 г. до 6 млрд. USD в 2000 г. (в 31 раз), снизив сырьевую долю в своем экспорте в 4 раза. Сегодня доля на мировом рынке наукоемкой продукции новых индустриальных стран, демонстрирующих догоняющее развитие, оценивается в 15%.

Эксперты Центра промышленной политики Института экономики РАН, длительное время изучавшие факторы и условия

становления постиндустриальной, инновационной экономики в разных странах мира, убеждены, что наиболее важным из этих условий является наличие государственной макроэкономической политики и законодательства, направленных на стимулирование инновационных процессов. Они отмечают, что во всех без исключения державах – лидерах мирового научно-технического прогресса (НТП), а также догоняющих их странах государство сыграло и продолжает играть ключевую роль в переходе к инновационной модели развития.

Так, в послевоенный период федеральное правительство США самым активным образом участвовало в прямом финансировании фундаментальной науки и целевых исследований (программ) в интересах государственных ведомств. В этой стране с рыночной экономикой все научно-технологические прорывы регулярно осуществлялись и продолжают осуществляться в рамках мощных, многомиллиардных государственных программ.

Окончание на стр. 10.

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И РОЛЬ МОНЕТАРНЫХ ФАКТОРОВ В ЕЕ ФОРМИРОВАНИИ

Окончание.

Начало на 2-й стр. обложки.

Не случайно представителями администрации президента США Б. Клинтона было прямо обозначено, что в сфере науки и технологий «искусственные попытки вытеснения государства рынком на самом деле вредны и создают преграды на пути самого же рынка». В результате такого подхода законодательно были определены государственные приоритеты по формированию инновационной экономики: прямое финансирование через бюджет разработки, коммерциализации и внедрения новых продуктов; косвенная поддержка через фискальные меры и налоговую политику; массивные инвестиции в систему образования; создание и поддержка элементов соответствующей хозяйственной инфраструктуры. Демократическая администрация Дж. Буша впоследствии существенно усилила роль всех органов федеральной власти, участвующих в формировании и осуществлении научно-технологической и инновационно-промышленной политики.

В Великобритании также на правительственном уровне официально утверждены и реализуются государственные приоритеты в области исследований и технологий «Research and Technology Priorities» (2001), государственный план действий «Science and Innovation Strategy», правительственная промышленная стратегия «Government's Manufacturing Strategy» (2002), созданы Совет по технологической стратегии Великобритании и Центр поддержки инноваций. Европейский союз (ЕС) на Лиссабонском саммите (2000) поставил амбициозную задачу довести к 2010 г. наукоемкость ВВП до уровня США и Японии (3%) и превратить регион в наиболее динамичный, обладающий конкурентоспособной и самой высокоразвитой экономикой. В рамках решения этой задачи разработан и принят к реализации специальный плановый доку-

мент – VII Рамочная программа НИОКР ЕС на период 2007–2013 гг., в которой предусмотрен рост затрат на поддержку исследований, исследователей, изобретателей, а также на развитие научно-инновационной инфраструктуры до 73,27 млрд. евро, что в 4,2 раза больше бюджета (17,5 млрд. евро) реализуемой в 2000–2006 гг. VI Рамочной программы.

По мнению многочисленных экспертов, все «экономические чудеса» XX века (Япония, Германия, Южная Корея, Китай, Индия) также являются, в сущности, отражением соответствующей глубоко продуманной и высокоэффективной государственной политики (см. *Власкин Г., Ленчук Е.* Промышленная политика в условиях перехода к инновационной экономике. – М.: Наука, 2006. – С. 21–38; Великобритания: правительственная промышленная стратегия // *Экономист.* – 2004. – №10. – С. 17–34). При этом государственная поддержка научного прогресса в странах, совершивших научно-технологический прорыв, не только не ослабевает, но и нарастает быстрыми темпами. Так, если в 1996–2000 гг. правительство Японии затратило на развитие науки и технологии 136 млрд. USD, то в 2001–2005 гг. эти затраты достигли уже 200 млрд. USD. В начале 2005 г. президент Франции Ж. Ширак заявил о намерении одновременно инвестировать 2,6 млрд. USD в создание государственного инновационного агентства.

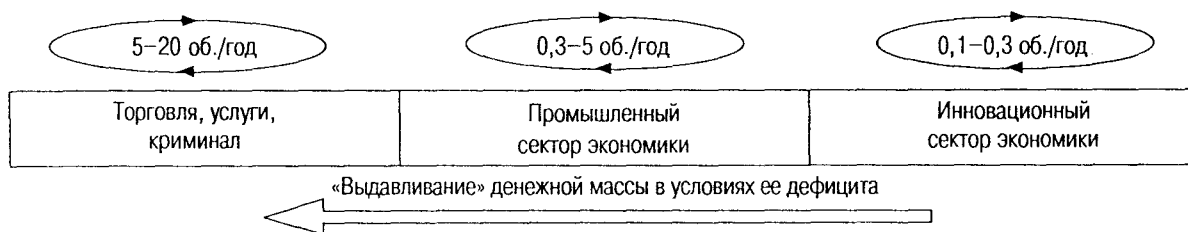
Иными словами, в странах, осуществляющих реальный переход к инновационной модели развития, не уповают на всемогущество свободных рыночных сил, а руководствуются мнением, например, такого авторитетного ученого, как М. Портер, который указывал: «Адекватная роль правительства состоит в том, чтобы оно выступало в роли катализатора и искателя нового; оно должно вдохновлять или даже подталкивать компании в их стремлении к более высоким уровням конкуренции. Ведущая

успеху политика правительств – это та политика, которая создает среду, в которой компании могут достигать конкурентных преимуществ...» (см. *Портер М.* Конкуренция. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2002. – С. 194–195).

Разумеется, в условиях рыночного капитализма (или перехода к нему) в ряду экономических условий формирования и осуществления указанной научно-технологической и инновационно-промышленной политики ведущая роль принадлежит монетарным факторам. Так, идея безусловного примата монетарной сферы при формировании инновационной экономики красной нитью проходит через многие выступления и статьи крупного белорусского ученого, специалиста в области производственной и банковско-финансовой деятельности профессора С. А. Пелиха. В связи с этим будет весьма полезно исследовать и сравнить некоторые базовые параметры монетарной сферы разных стран. При этом все исследуемые экономики разобьем на пять типических групп: 1) технологически развитые державы (США, Япония, Великобритания, Германия); 2) новые индустриальные страны, демонстрирующие догоняющее развитие (Китай, Сингапур, Южная Корея); 3) новые члены ЕС – лидеры в экономическом развитии и становлении инновационной экономики (Венгрия, Чехия, Словакия, Польша); 4) страны-участницы СНГ, в том числе члены Союзного государства (Россия, Беларусь, Казахстан); 5) страны «третьего мира» – аутсайдеры мирового НТП (Аргентина, Нигерия, Танзания).

В числе основных характеристик монетарной сферы, активно влияющих на формирование инновационной экономики, специалисты неизменно называют следующие.

1. *Общая обеспеченность национальной экономики денежной массой, которая может быть охарактеризована коэффициентом монетизации (монетаризации) экономики K_m , исчисляемым в виде отношения денежного аг-*

Рис. Перераспределение финансовых ресурсов между секторами экономики в условиях снижения коэффициента монетизации

регата М2 и ВВП. Исключительно высокая значимость данного параметра определяется тем, что деньги – «кровь экономики», и потому для инновационного развития их количество должно быть оптимальным. Конечно, избыток денежной массы вызывает инфляцию, однако ее недостаток, дефицит угнетает в первую очередь именно инновационный и промышленный секторы экономики. Последнее следует из того, что в условиях дефицита финансовых средств, согласно общеизвестной формуле количественной теории денег, функционирование экономики возможно лишь за счет увеличения скорости их обращения. Как известно, наи-

высшая оборачиваемость финансового капитала, достигающая 5–20 оборотов в год, наблюдается в сфере торговли, услуг, криминала, а наименьшая – 1 оборот за 3–10 лет – в инновационном секторе экономики, связанном с осуществлением долгосрочных научно-исследовательских работ (НИР) и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и их внедрением в производство в виде базисных инноваций. Денежная масса в условиях ее дефицита неизбежно «выдавливается» в те сферы национальной экономики, которые характеризуются высокой оборачиваемостью денежных ресурсов, а именно в сферу торговли, услуг, криминала (см. рис.).

Этот крайне негативный процесс серьезно угнетает инновационный и промышленный секторы экономики, а также стимулирует приток в страну по торговым каналам дешевого иностранного ширпотреба, что дополнительно оказывает давление на ответственное производство. Иными словами, *низкий коэффициент монетизации экономики является серьезнейшим препятствием на пути становления инновационной экономики и потому никак не может быть элементом инновационно-промышленной политики (точнее – это непременно условие деиндустриализации и примитивизации национальной экономики).*

Таблица 1

Динамика коэффициента монетизации экономики K_m в разных странах мира, %

Типическая группа стран	Страна	Годы			
		1995	1998	2000	2002
Технологически развитые страны	США	57,3	60,1	62,2	69,6
	Япония	110,3	116,8	122,6	132,9
	Германия	67,6	73,5	99,3	101,9
	Великобритания	71,6	91,2	109,3	113,5
Новые индустриальные страны	Китай	103,8	133,6	152,2	182,4
	Сингапур	86,5	114,8	112,4	115,8
	Южная Корея	45,6	58,2	79,1	86,9
Новые члены ЕС	Чехия	78,7	66,0	72,9	75,5
	Словакия	62,0	60,4	66,2	65,3
	Венгрия	45,1	45,6	45,4	46,8
	Польша	33,9	39,9	41,3	42,7
Страны СНГ	Россия	15,4	17,2	15,8	19,7
	Беларусь	14,8	13,7	7,3	7,6
	Казахстан	10,7	7,7	11,2	13,2
Страны «третьего мира»	Аргентина	20,2	28,7	31,8	27,8
	Нигерия	16,1	18,2	21,1	26,9
	Танзания	25,1	18,4	19,2	21,9

Рассчитано по: Россия и страны мира. – М.: 2004. – С. 69–71, 282–283.

Примечание: Авторы могли использовать для расчета официальные статистические данные по Беларуси, в том числе и за 2005 г., которые незначительно улучшают общую картину, однако для корректности сравнения использованы сведения из одного вышеприведенного источника.

В таблице 1 отражены значения K_m в разных странах мира. Анализ приведенной информации по типическим группам показывает, что технологически развитые страны имеют значение K_m около 100%, новые индустриальные страны – 100 и более %, а успешно развивающиеся новые члены ЕС демонстрируют K_m около 50–70%. Охарактеризованные в таблице страны СНГ (в других членах Содружества ситуация не лучше) по исследуемому параметру (менее 20%) резко отличаются от движущихся в сторону постиндустриальной, инновационной экономики государств, соответствуя странам «третьего мира» – аутсайдерам НТП. Совершенно очевидно, что в странах СНГ (Беларусь – не исключение) *монетарные факторы активно препятствуют формированию инновационной экономики, угнетают промышленный сектор экономики и способствуют превращению региона в сырьевую провинцию Запада. Об обвальном снижении наукоемкости ВВП стран СНГ, рыночном разгроме их научно-технической и инновационной*

Таблица 2

Динамика пассивов банковских систем некоторых стран мира, % к ВВП

Страна	Годы			
	1995	1998	2000	2003
США	214	238	255	267
Германия	223	252	290	305
Беларусь	13	35	32	37
Россия	30	39	34	34
Украина	37	-	-	38

Источник: Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. (21–22 апр. 2005 г.). – Мн.: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – С. 39–40.

сферы, закономерном вытеснении наших стран с рынков высокотехнологичной и наукоемкой продукции мы уже подробно писали на страницах журнала (см. «Финансы, учет, аудит». – 2005. – №10. – С. 19–23).

2. *Доступность кредитных ресурсов для промышленного и инновационного секторов экономики.* Большая значимость данного аспекта функционирования кредитно-денежной системы следует из того, что по причине стремительного удорожания НИР и НИОКР базисные инновации являются весьма и весьма капиталоемкими. Зачастую передовые технологии и оборудование стоят на один-два порядка больше, чем те, которыми уже располагает осуществляющий инновации субъект хозяйствования. Следовательно, амортизация, как механизм простого возмещения стоимости изношенного основного капитала, не может служить источником финансирования технико-технологической модернизации производства, и потому предприятие вынуждено искать другие источники, в числе которых ведущую роль играет кредит. По мнению депутата Государственной думы РФ члена-корреспондента РАН С.Ю. Глазьева, вся послевоенная Европа, в частности разоренная и сожженная Германия, восстановилась за 10 лет благодаря механизму кредитования, а «экономическое чудо» Японии также обусловлено тем, что для реализации инновационных проектов в течение 50 лет предоставлялись долгосрочные кредиты под нулевые проценты (см. Россия – великая держава. – М.: Центр обществ. наук при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. – С. 19).

Доступность кредитных ресурсов в первую очередь зависит от мощности банковской системы, определяемой *совокупной величиной пассивов банковской системы.* Считается, что банковская система может эффективно кредитовать инновационный сектор экономики, если ее пассивы соизмеримы или даже превосходят ВВП страны. В частности, в таблице 2 для сравнения охарактеризована мощность банковских систем представителей двух типических групп – технологически развитых государств (США, Германия) и стран СНГ (Беларусь, Россия, Украина). Анализ приведенной информации свидетельствует о том, что технологически развитые страны по совокупной величине банковских пассивов удовлетворяют вышеуказанному требованию, в то время как мощность банковских систем переходных к рынку стран в несколько раз меньше необходимой. **Указанный недостаток, во многом являющийся следствием низкого коэффициента монетизации экономики, представляет собой серьезнейшее препятствие на пути формирования инновационной экономики во всех странах СНГ.**

С другой стороны, доступность кредитных ресурсов для инновационного сектора экономики характеризуется *долей долгосрочных кредитов, выданных субъектам хозяйствования – юридическим лицам, осуществляющим инновационную деятельность, в первую очередь, промышленным предприятиям.* И действительно, серьезные базисные инновации связаны с осуществлением долгосрочных НИР и НИОКР, разработкой проектно-конст-

рукторской и технологической документации, изготовлением опытных образцов, их испытанием и запуском в серийное производство, что нередко занимает от 3 до 5 и более лет. Не случайно в технологически развитых державах и догоняющих их странах *непременным атрибутом эффективной инновационно-промышленной политики является неуклонный рост доли долгосрочных кредитов промышленному сектору экономики до уровня 40–50%.* В новых индустриальных странах, например в Китае, ресурсы банковской системы были за непродолжительное время доведены до значения 140% от ВВП, что дает возможность до 80% всех привлеченных денежных средств предоставлять в виде долгосрочных кредитов под 2–4% годовых. Как это уже отмечалось выше, в Японии под инновационные проекты, одобренные специальным комитетом по инновациям и технической модернизации производства, долгое время без ограничений выдавались вообще бесплатные долгосрочные кредиты.

В таблице 3 приведена структура банковских кредитных вложений в Республике Беларусь. На первый взгляд, приведенная статистическая информация свидетельствует о благоприятной тенденции развития кредитной системы страны. В период с 2002 по 2005 гг. налицо увеличение в 3,5 раза общего объема выданных кредитных ресурсов, причем доля в нем долгосрочных кредитных вложений выросла более чем на 5,5%, а процентные ставки по долгосрочным кредитам для юридических лиц снизились с 24,2 до 6,9%. Однако более глубокий анализ показывает, что *характер развития кредитной системы Беларуси отнюдь не является фактором эффективной инновационно-промышленной политики.* Данный вывод следует из того, что, во-первых, в Беларуси существенно сократилось общее кредитование промышленности с 51,8 до 45,6% (без учета инфляции), а во-вторых, доля долгосрочных кредитных вложений в нее не только не приблизилась к уровню формирующих инновационную экономику стран, но и вообще снизилась с 14,8 до 12,8%. Важно указать,

Таблица 3

Структура кредитных вложений банков Республики Беларусь

Год	2002		2003		2004		2005	
	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%
Кредитные вложения банков по видам деятельности:	2075,5	100,0	3045,5	100,0	4559,2	100,0	7165,3	100,0
- промышленность	1074,5	51,8	1597,2	52,4	2286,1	50,1	3261,3	45,6
- сельское хозяйство	259,0	12,5	399,9	13,1	629,7	13,8	1145,7	16,0
- строительство	32,3	1,6	58,9	1,9	80,8	1,8	192,5	2,7
- торговля и общественное питание	186,2	8,9	249,3	8,2	370,7	8,1	656,3	9,2
- жилищное и коммунальное хозяйство	10,3	0,5	17,3	0,6	113,4	2,5	228,5	3,2
- прочие	513,2	24,7	723,0	23,7	1078,6	23,7	1681,2	23,5
в том числе								
долгосрочные кредитные вложения по видам деятельности:								
- промышленность	774,1	37,3	1078,7	35,4	1865,7	40,9	3081,5	43,0
- сельское хозяйство	307,9	14,8	416,8	13,7	663,2	14,5	917,6	12,8
- строительство	192,7	9,3	293,1	9,6	478,0	10,5	889,4	12,4
- торговля и общественное питание	9,3	0,4	20,0	0,7	29,9	0,7	90,0	1,3
- жилищное и коммунальное хозяйство	10,1	0,5	16,7	0,6	38,2	0,8	99,2	1,5
- прочие	0,1	0,0	0,8	0,0	58,9	1,3	95,9	1,4
- прочие	254,1	12,2	331,3	10,9	597,5	13,1	989,5	13,8

Рассчитано по: Бюллетень банковской статистики. – 2006. – №5(83). – С. 12; 2005. – №2(68). – С. 61, 84, 91–92; 2003. – С. 40–41; 66, 73–74.

что данный процесс вполне закономерен, поскольку в условиях невероятно низкого коэффициента монетизации белорусской экономики (см. табл. 1) финансовые, в том числе кредитные ресурсы неизбежно выталкиваются в сферу торговли, общепита, строительства, жилищного хозяйства... Конечно, с точки зрения рядового обывателя, такое перераспределение кредитных ресурсов сулит ему максимально полное удовлетворение его текущих потребностей. Но с позиции долгосрочных перспектив развития страны кредитный «голод» промышленности чреват деиндустриализацией и примитивизацией («заирризацией») национальной экономики, нарастанием и без того масштабного технологического отставания от лидеров мирового НТП.

3. Валютный курс национальной денежной единицы. На страницах журнала мы уже писали о крайне негативных общих последствиях, к которым приводит искусственно заниженный в несколько раз курс национальных валют стран СНГ (Беларусь, к сожалению, не является исключением) по отношению к мировым валютам (см. «Финансы, учет, аудит». – 2006. – № 7. – С. 20–25). Имеющее место во всех странах Содружества отклонение в 3–5 раз курса национальной валюты от паритета покупательной способности

(ППС) вызывает аналогичный диспаритет внутренних и мировых цен, поскольку условная корзина товаров, используемая при расчете ППС, внутри страны стоит в несколько раз меньше, чем в странах – эмитентах мировых денег. Заниженные внутренние цены позволяют выплачивать и столь же заниженную заработную плату. В итоге за тот же самый по количеству и качеству труд работников в любой из стран СНГ получает вознаграждение, в несколько раз меньшее, чем в странах «золотого миллиарда».

Последнее обстоятельство крайне негативно воздействует на процесс формирования инновационной экономики, поскольку является главной причиной масштабной «утечки умов» за рубеж. Так, по мнению уже упоминавшегося С.Ю. Глазьева, «величие России заключается в том, что она безвозмездно отдала Западу 0,5 трлн. USD, более 1 млн. высококлассных специалистов уехали из страны под давлением так называемого экономического принуждения. Это лучшие умы, и ущерб от их утечки ничуть не меньше, чем от бегства капитала» (см. Россия – великая держава. – М.: Центр обществ. наук при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. – С. 19). С другой стороны, низкая заработная плата – серьезное препятствие при обоснова-

нии экономической эффективности новой техники и НТП вообще, поскольку в условиях дешевой рабочей силы нередко оказывается выгоднее использовать малопродуктивный, но дешевый ручной труд, нежели высокопроизводительную, но дорогостоящую технику. Таким образом, заниженный в несколько раз курс национальной валюты – еще одно препятствие для процесса перехода к инновационной экономике.

С процессом оттока за рубеж иностранной валюты, столь необходимой для закупки за рубежом передовых технологий и оборудования, связана проблема внешней и внутренней конвертируемости национальной денежной единицы. По мнению известных белорусских ученых-финансистов профессоров В.И. Тарасова и С.А. Пелиха, в развитых и догоняющих их странах «осуществляется постепенный переход к конвертируемости по текущим операциям и наблюдается долговременное отсутствие полной конвертируемости. В частности, большинство западно-европейских стран десятилетиями готовились к введению полной конвертируемости, запрещая своим гражданам и корпорациям инвестировать за границу. Франция и Италия в полном объеме отменили такие ограничения в 1989 г., а Япония отменила такие ограничения только в 1979 г.»

(см. Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. (21–22 апр. 2005 г.). – Мн.: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – С. 43).

В переходных же странах это условие было полностью проигнорировано, и внутренняя конвертируемость национальной валюты была введена в одночасье. Это позволило гражданам свободно приобретать иностранную валюту, беспрепятственно вывозить за рубеж и там ее инвестировать в развитие курортов или расходовать на приобретение губящего отечественную промышленность ширпотреба. В частности, по оценкам профессора С.А. Пелиха, одной только Беларуси внутренняя конвертируемость рубля обходится в 5 млрд. USD ежегодно, в то время когда отечественная промышленность остро нуждается не просто в приобретении зарубежных передовых технологий и оборудования, а в элементарной компенсации катастрофического, достигшего критической отметки износа основного капитала. Вместо того чтобы следовать успешно опробованному примеру и усилить контроль за целевым расходованием иностранной валюты, в Беларуси, наоборот, в 2006 г. сняты последние и без того мизерные ограничения (необходимость предъявления паспорта) на ее приобретение.

Перечень разительных отклонений характеристик монетарной сферы государств-участников СНГ и стран, уверенно формирующих инновационную экономику, можно было бы продолжить. Однако и приведенных примеров, на наш взгляд, вполне достаточно для вывода о полном несоответствии базовых параметров монетарной системы стран Содружества условиям осуществления эффективной инновационно-промышленной политики. По словам С.Ю. Глазьева, мы вновь удивляем весь мир, поскольку «основной источник роста в условиях рыночной экономики – монополия государства на деньги и на эмиссию национальной валюты – превратился в свою противоположность – механизм торможения. Подобные примеры в ми-

ровой экономической истории просто не известны... Налицо экономика абсурда, сдерживающая свой экономический рост...» (см. Россия – великая держава. – М.: Центр обществ. наук при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. – С. 18–19, 21).

Анализируя произошедшее, приходится признать, что его трудно объяснить одной лишь халатностью или наивным неведением. Вероятнее всего, во многих странах бывшего СССР в результате поощряемых Западом перестроек и цветных революций и благодаря его огромным финансовым ресурсам к власти пришла «пятая колонна». **В полном соответствии с законами рыночной конкуренции эта «тайная» сила под видом «невидимой руки» рынка методично, шаг за шагом делает все возможное для превращения своего бывшего весьма могущественного конкурента в научно-технологическое захолустье с прикованным к «сырьевой тачке» населением. Поскольку могучие рычаги монетарной сферы для этих целей подходят как нельзя лучше, то описанные в статье вопиющие отклонения носят скорее всего искусственный, «рукотворный» характер, о чем сегодня открыто пишут некоторые российские исследователи (см. Власкин Г., Ленчук Е. Промышленная политика в условиях перехода к инновационной экономике. – М.: Наука, 2006. – С. 112).** Отнюдь не случайно на фоне непрекращающейся риторики об инновационной экономике общая доля стран СНГ в мировом экспорте наукоемкой продукции за годы «рыночного оздоровления» сократилась до 0,8–1% (в 10–15 раз), а доля сырьевых товаров в их экспорте гипертрофированно выросла до 60–85%. При этом доля инновационно-активных предприятий снизилась с 50% в СССР накануне его распада до 13% в Беларуси, 10,3% – в России, 12,3% – в Украине, 2,2% – в Казахстане, в то время как в развитых странах Запаदा аналогичный показатель сегодня достигает 60–80%.

И даже в Беларуси, где «невидимой руке» рынка, стоящего на страже крупного (значит, западного) капитала, не удалось вытеснить из сферы уп-

равления экономикой «зримую руку» Президента, олицетворяющего чаяния белорусского народа, налицо серьезные проблемы в становлении инновационной экономики. И действительно, вряд ли можно назвать переходом к инновационной модели развития тенденцию, когда доля машин и оборудования в общем экспорте страны в период с 1998 по 2005 гг. снизилась с 30,2 до 20,3%, доля минеральных продуктов выросла 8,4 до 35,4%, а количество инновационно-активных предприятий неуклонно падает. Очевидно, что для превращения риторики об инновационной экономике в реальный процесс прежде всего необходимо устранить вышеуказанные отклонения и привести в соответствие параметры монетарной сферы страны требованиям эффективной инновационно-промышленной политики. В частности, необходимо довести коэффициент монетизации экономики до 80–100%, привести в соответствие ППС и курс национальной валюты, устранить диспаритет внутренних и мировых цен, повысить до уровня развитых стран мира заработную плату, принудить банковский сектор (по примеру Японии и Китая в период их восстановления) к долгосрочному кредитованию инновационных проектов в промышленности под формальные проценты, установить приоритет использования иностранной валюты на закупку новейших технологий и оборудования, кратко увеличить государственное финансирование науки, НИР и НИОКР по инженерно-техническим и естественнонаучным направлениям, системы образования и др. **Разумеется, перед реализацией этих весьма непростых шагов необходимо инициировать в странах СНГ, ЕвразЭС и, прежде всего, Союзного государства соответствующие серьезные научные исследования на предмет приведения в соответствие общепринятым нормам базовых характеристик монетарной политики, которая не просто должна способствовать решению задачи удовлетворения текущих потребностей населения, но и соответствовать критерию долгосрочного инновационного экономического роста.**